

УДК 930.85

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-2-329-337

На пороге Сибири: социокультурная трансформация образов Югры

М. Ф. Ершов

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье анализируются изменения восприятия пространства Югры, происходившие в ходе освоения данного региона.

Цель: раскрытие социокультурной и исторической эволюции образов Югры; достижение данной цели возможно при решении ряда значимых задач. Каким образом были связаны между собой колонизация региона и его образы? Каковы этапы изменений образов Югры? Как менялось соотношение общекультурных и специфически югорских компонентов в структуре образа региона?

Материалы исследования основаны на изучении материалов фольклора, проливающих свет на реалии бытия аборигенов Югорской земли и сопредельных ей территорий, от средневековья до наших дней. Предметом исследования стала генерация образов Югры, их эволюция, по своему отражавшаяся как в сознании аборигенов, так и пришлого «русскоговорящего» населения.

Результаты и научная новизна: в статье осуществлён анализ генерации и последующей социокультурной эволюции образов Югры; при рассмотрении их особенностей выявлен ряд следующих трендов в восприятии пространства: смещение от негатива к позитиву, от зооморфизма к антропоморфизму, от сакральности к профанным началам, от одномерности текста к визуальной многомерности; при освоении региона постепенно складывалась иерархическая структура пространственных образов, которые, при наложении друг на друга, создавали сложную ткань социальной памяти – палимпсест.

Ключевые слова: восприятие, граница, идентичность, образ, пространство, регион, Югра.

Благодарности: автор выражает благодарность С. А. Поповой и всем коллегам, консультировавшим автора настоящей публикации.

Для цитирования: Ершов М.Ф. На пороге Сибири: социокультурная трансформация образов Югры // Вестник урведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 329–337.

On the verge of Siberia: socio-cultural transformation of the images of Yugra

M. F. Yershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the changes of the perception of space of Yugra, which occurred during the development of the region.

Objective: to reveal the socio-cultural and historical evolution of the images of Yugra. The achievement of this objective is possible during the solution of a number of important tasks. What way the colonization of the region and its images were linked? What are the main stages of changes of the images of Yugra? How did the ratio of general cultural and specific Ugric components in the structure of the image of the region change?

Research materials: are based on the research of folklore about the life of Northern ethnic groups and the Russian population in the territory of Yugra and its adjacent territories from the Middle Ages to the present day; the subject of the research are changes in the perception of spatial images by the public consciousness; the author used the achievements of history, cultural geography, meta-geography, and imagology, as scientific tools.

Results and novelty of the research: the article presents the analysis of the generation and subsequent socio-cultural evolution of images of Yugra; during the study of their features a number of the follow trends in the perception of space was revealed: the shift from negativity to positivity, from zoomorphism to anthropomorphism, from the sacred to the profane sources, from one-dimensionality of a text to visual multidimensionality; during the development of the region the certain hierarchical structure of spatial images was gradually developed. These spatial images, layering on each other, had been created a complex fabric of social memory – palimpsest.

Key words: perception, border, identity, image, space, region, Yugra.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to S. A. Popova and all colleagues who advised the author of the article.

For citation: Ershov M. F. On the verge of Siberia: socio-cultural transformation of the images of Yugra // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(2): 329–337.

Введение

Региональная идентичность связана с восприятием того пространства, той территории, где находится конкретный социум. Данное восприятие не является чем-либо неизменным или простым отображением объективных реалий. Оно динамично и исторически изменчиво. Такая изменчивость особенно характерна для колонизируемых периферийных пространств и, в частности, территории Югры. Район нефтегазового освоения сегодня всё более привлекает внимание экономистов, технических специалистов, представителей гуманитарных наук. В глобальном мире растёт интерес к Северу и актуальность данной проблемы не вызывает сомнений.

Целью настоящей публикации является раскрытие социокультурной и исторической эволюции восприятия Югры. Достижение данной цели возможно при решении ряда значимых задач. Каким образом были связаны между собой колонизация региона и его образы? Какие основные этапы развития претерпели образы Югры? Как менялось соотношение общекультурных и специфически югорских компонентов в структуре данного образа? Объектами нашего исследования стали пространство и история Югры, а также сопредельных ей территорий от средневековья до сегодняшних дней. Предметом исследования – динамика образов, генетически связанных с Югрой.

Материалы и методы

Исследование основано на изучении фольклора и менталитета северных этносов и русского населения Югры, и сопредельных ей территорий от средневековья до наших дней. Методологическими основаниями для исследования образа региона служат теоретические наработки антропологии, культурной геогра-

фии и имиджологии. Реализация междисциплинарного подхода достигается при использовании трудов зарубежных исследователей: М. Элиаде (место проживания в традиционной культуре), Р. Брубейкера и Ф. Купера (свойства идентичности), Ж. Фауниера (ментальное пространство), Р. Уортмана (образы пространства во властных церемониях), В. Митчелла (пограничные свойства пространства), В. Кивельсон (восприятие пространства в Московской Руси) [13; 24; 27; 28; 29]. Ряд отечественных учёных непосредственно обращаются к анализу образов Югры и сопредельных территорий. Среди них допустимо выделить работы А. В. Головнёва (динамика пространства, его и статика, миграции), Д. Н. Замятина (образы пространства), Е. В. Головнёвой (региональная идентичность), К. В. Истомина (ментальное картографирование), М. Ф. Ершова (эволюция образов пространства) [5; 6; 7; 8; 9].

Результаты

Человеческие сообщества никогда не были исключительно стабильными образованиями. Объективно мобильность в пространстве – один из атрибутов человечества. Соответственно, миграции, порождали потребность в изучении осваиваемой территории. Для патриархальной культуры в целом было характерно одухотворённое отношение к месту проживания. Своё поселение воспринималось как центр мироздания [24, 43], или, в античности, как *Genius loci* [12, 180]. Неизведанное пространство, напротив, обычно оценивалось как враждебное «нормальному» человеку, как некое разовое, однократное нарушение гармонии, изъятие из правил. Средневековая Югра не была исключением. Такое упрощённое восприятие территории повсеместно господствовало при первоначальном освоении. Оно имело

место при эпизодических контактах и мало подходило для массовой колонизации.

По мере проникновения русских первопродовцев в Югру происходили антропоморфизация, конкретизация и развёрстка образа новой территории. В «Сказании о человеках незнаемых в восточной стране» коренные народы Сибири не представлялись полноценными людьми. Это некие существа, близкие к зооморфным особям, со специфической анатомией: мохнатые по пуп или немые с ротовым отверстием на темени [18, 78]. Для русских они – пришельцы из почти потустороннего мира. Подобные контакты означали не просто выход за пределы обыденности, но и, по мнению В. Митчелла, связь между человеческим и нечеловеческим [28, 15]. Но и русские, пришедшие со стороны Запада (заката) за данью или ради обмена товаров на пушнину, не являлись образцами добродетели.

Рудименты подобных воззрений сохранились до наших дней в народной памяти и местном литературном творчестве. По представлениям ханты р. Тром-Аган заболевания вызываются «поеданием» души и тела духами болезней Хозяина Нижнего мира Пыхтыики (Кынь-ики) – бога, насылающего болезни. В описаниях он «выглядит по-русски, носит сапоги», его одежды всегда чёрные [22, 419–420]. По оценке М. А. Литовской, этнограф и писатель из ханты Т. А. Молданова в своих художественных текстах отображает негативное отношение к пришельцам: «Русские в повестях – загадочные недобрые люди <...>. Русские не стремятся ассимилировать ханты, они их равнодушно, не замечая, уничтожают. Во врагах нет ничего доброго – они насильники, разрушители, растлители» [14, 239].

Действительно, межэтнические контакты обычно начинались с генерации негатива. Этот негатив выламывался из природного мира и мира людской обыденности, но сохранял отношения с обоими компонентами мироздания. Одновременно он создавал условия для собственного преодоления и дальнейшего формирования адекватных образов. Общая историческая судьба объективно вела к региональной идентичности, к сплочению жителей единой территории, в том числе и принадлежащих к разным этносам. Соответственно, специфика современной Югры заключается не столько в полиэтническом составе её населения (этим

может похвастаться любой российский регион), сколько в особенностях воспроизводства исторической памяти и традиционной культуры населения Югры. На сегодняшний день чрезвычайно высока роль материального и нематериального культурного наследия, задействованного в имиджевых и брендинговых проектах, служащего средством идентификации территории и её жителей.

Так, у обско-угорских народов с древности медведь является сакральным животным. В то же время его образ не лишён недостатков. Вопрос заключается в усилении положительных и уменьшении отрицательных черт данного образа. Последние черты, нередко, продолжают доминировать. Например, в фильме «Тринадцатый воин» (США, 1999 г.) показан бесчеловечный языческий социум, поклоняющийся медведю. Фабулой этого триллера, снятого по книге М. Крайтона «Пожиратели мёртвых», послужило путешествие Ахмеда ибн Фадлана в Волжскую Булгарию, осуществлённое в начале X в.

Переплетение антропоморфных и зооморфных черт отобразилось во множестве фольклорных материалов. Согласно легендам, богатырь коми-пермяцкого эпоса Кудым-Ош родился в семье вождя-жреца. Его мать-колдунья зачала богатыря от семени медведя (отсюда его имя, букв. с коми-перм.: «Медведь с устья реки Ку»). Согласно легенде, Кудым-Ош женился на Костэ, дочери богатыря Асыки. Интересно, что в облике его суженой также сочетаются звериные и человеческие черты. До встречи с богатырём лицо Костэ скрывалось под маской то ли домашнего, то ли дикого животного [16, 19–24]. Как полагает исследовательница С. А. Попова, имя девушки происходит от названия р. Косья, притока р. Северной Сосьвы. Обе реки текут восточнее Уральского хребта.

Мансийский князь Асыка – лицо историческое. Его воинственные набеги на Западный Урал отмечены в русских летописях. Известно также, что у пельмских манси бог Полум Торум являлся в образе медведя. Переплетение зооморфных образов, гидронимов и онимов (имён собственных) частично отображает как освоение пространства к востоку от Урала, так и изменения в восприятии этого пространства. В исторических источниках зафиксировано переселение предков коми в низовья р. Оби. Часть историков считает, что название

местного княжества – Кода – происходит от имени легендарного Кудым-Оша [15, 59–69].

При отсутствии в тайге действенной государственной власти, на авансцене истории оказались агрессивные люди с крепкими характерами. А. В. Головнёв замечает о специфике подобных вольных территорий на примере степи: «Дикое поле было адом для смиренных и раем для дерзких. Впрочем, не только Поле формировало характер стекающих сюда людей, но и сами они привносили удаль и авантюризм разной этнической природы» [5, 334]. Неслучайно, что в исторических источниках XV–XVI вв. по преимуществу фигурировали имена югорских князей. Параллельно им, в обско-угорском фольклоре представлены анонимные русские богатыри [19, 177–181]. Восприятие пространства как ареала богатырей уже означало частичное снятие негатива. С богатырём можно было сражаться или договариваться. Поступки богатырей обосновывались человеческими представлениями, а их образы были способны к дальнейшей трансформации. В предшествующих публикациях, при анализе колонизации Сибири, мы освещали эволюцию образов богатырей [8, 162–182].

Постепенное изживание зооморфных черт и нарастание антропоморфизма (очеловечивание) образа региона не были абсолютными. Пермский звериный стиль, мамонт, соболь, медведь и медвежьи праздники и поныне не только яркие образы, но и раскрученные бренды Севера. Однако подлинное освоение малознакомого или незнакомого пространства всегда шло от человека и его жилища. По мнению историка К.И. Зубкова, первым признаком и необходимым условием зарождения колонизации является «наличие некоторой «точки отсчёта», стабильного ядра развёртывания миграционной активности, которое не только подпитывает её, но и в полной мере использует её плоды. Именно наличие такого опорного центра превращает лишённые укоренённости миграционные перемещения народов в последовательное расширение сферы жизнедеятельности определённого типа хозяйства и культуры» [7].

Исследовательница А.-Х. О. Базырчип, считает, что в представлении тувинца-кочевника о вселенной и о том месте, «которое он в ней занимает, присутствовал элемент стихийной геометризации. Своё жильё (включая освоенное

хозяйственное пространство) он рассматривал как некий центр, вокруг которого концентрическими кругами располагался весь остальной мир. Исходной точкой всего мироздания, его центром была сама юрта, малый круг, мир собственного бытия». Она солидарна с теми авторами, которые полагают, что между концентрическим (статическим) и линейным (динамическим) вариантами освоения пространства отсутствует чёткое разграничение [1, 109–111].

Предварительное соотнесение этих вариантов с прошлым Югорского края показывает их зависимость от конкретно-исторических обстоятельств. При колонизации неоднократно происходили замены доминирующего варианта. Когда для путешественников новое пространство переставало быть лишённым площади, «точечным», оно ещё долгое время воспринималось одномерно. Его освоение было подобно тексту, протяжённому во времени и пространстве. Не случайно, что летописцы начинали своё повествование с библейских времён. Так же текстуально разворачивалось описание территорий, расположенных к востоку от Новгородских владений. В первом упоминании о Югре новгородец Гюрята Рогович направляет своего отрока на Печору. По сведениям последнего за Печорой находилась Югорская земля, ещё далее – Самоядь. Этому же отроку Югра якобы сообщила о неведомых народах и даже описала место встречи: горы, упирающиеся в луку морскую, оконце в горах, люди в этом оконце.

Ничего специфического в такой подаче информации нет. Она происходит от недостатка знаний. Например, много позднее Н.В. Гоголь так и не смог преодолеть пассивное сопротивление отечественной провинции, её вязкий массив. Как писатель и даже исследователь он был этнографически достоверен. Но в его зрелищных провинциальных персонажах отсутствовали внутреннее развитие и психологическая глубина. Большинство из них представлено как разовые, плоскостные образы. В сущности, «Мёртвые души» близки некоему художественному описанию впечатлений путешественника, в котором взамен достопримечательных мест происходило чередование занимательных, почти театральных персонажей. Видимо не случайно, что запоминающийся образ – Золотая Баба, дошёл из Европейского Средневековья. Мифам о скульптуре, лишённой персональных

своих культурных связей, было легче появиться в общественном сознании, которое о Югре имело самые смутные сведения.

Ментальное развёртывание пространства от одномерности к двухмерным образам во многом определялось жизнью в осваиваемом крае. Легендарная фигура Ермака во многом связана с перемещениями атамана, преимущественно по рекам: Волга – Днепр – Кама – Чусовая – Серебряная – Тура – Иртыш – Вагай. Дело заключается не только в удобстве и относительной безопасности речных перемещений. Как показал Р. Уортман, существует взаимосвязь между завоеванием и развёртыванием пространственного мифа [29]. Некоторое время русские первопроходцы были ещё неспособны вырваться из одномерности маршрутов и соответствующей им природной зависимости. При пересечении Уральского хребта и расставании с привычной ему цивилизацией, человек субъективно признавал зависимость от природных стихий.

Рудименты подобного осознания территорий присутствуют и в наши дни. По мнению К. В. Истомина, существуют различия в восприятии пространства Северного Приуралья и Севера Западной Сибири у аборигенного и русского старожильческого населения с одной стороны и недавно прибывших лиц, с другой стороны. Ментальные карты первой группы в основном совпадают с гидрологией района, с бассейнами местных рек. Новоприбывшие же, напротив, ориентированы на современную дорожную сеть [11, 349–352]. Несомненный прогресс транспорта так и не смог радикально изменить пространственное восприятие. В обоих случаях, хотя и по-разному, наблюдается доминирование одномерности и искажение образов реального пространства.

Такое искажение формируется как способом жизнедеятельности, так и историческим прошлым. Ранее Югра, расположенная ниже по течению рек, была закрыта её «возвышенными» южными соседями. Характерно, что на старых русских картах Север располагался внизу. Данное восприятие северного пространства перекликалось с мифами обско-угорских народов. Как известно, по их представлениям вход в Нижний мир находился в районе Обской губы. Ещё одно обстоятельство заключалось в транзитных функциях Югры. В XVII в. она служила плацдармом для дальнейшего освоения

Сибири, промежуточной проездной (точнее – речной) зоной, местом временного нахождения казачьих и стрелецких отрядов.

При этом говорить о детальном знании территории было преждевременно. Как считает историк В. В. Пестерев, «Даже поверхностное знакомство с картографическим материалом рассматриваемого периода (весьма, кстати, немногочисленным) вполне может утвердить мнение о его неспособности сколько-нибудь адекватно отображать географические реалии» [17, 22]. Видимо не случайно, что географ Д. Н. Замятин предпочитает использовать, применительно к колонизации территорий визуальную метафору: стрелу (Зауралье), пронзающую шар (Сибирь) [9, 22]. При уточнении данного образа следует отметить, что острие стрелы нацелено на северо-восток. Это был общий вектор колонизационного движения, порождённого потребностью в пушнине, качество которой зависело от низких температур в местах зимней охоты.

Русским переселенцам потребовалось приблизительно столетие, чтобы не просто перейти от линейного восприятия обширных территорий за Уралом к концентрическому, но и запечатлеть двухмерное видение картографическим способом. Впервые это было масштабно осознано благодаря талантам С. У. Ремизова. На картах, им созданных, присутствует разграничение Московского царства и Сибири [13, 250]. Данное обстоятельство свидетельствует как о незавершённости инкорпорации Сибири, так и об осознании её специфики. Видимо, лишь только к середине XIX в. картографические возможности осмысления образов территорий были в основном исчерпаны.

К этому времени на передний план в понимании пространства Югры вновь вышли тексты, точнее данные языкознания, но и не только они. Филологи и этнографы, в том числе зарубежные, начали исследовать языки, фольклор и традиционную культуру обско-угорских народов [2]. Интересно, что итогами экспедиции венгра Антала Регули (1843–1845 гг.) одновременно стали и записи обско-угорского фольклора, и «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала» [23, 121]. Новые обобщения позволили исследователям познакомиться с мировоззрением северных этносов. Фантастические знания об устройстве Верхнего, Среднего и Нижнего мира, о богах

и героях перестали быть исключительным достоянием национальных сказителей. Они раскрыли выходы в иные измерения – в древнее мифическое прошлое.

Одновременно в среде русских переселенцев происходила переоценка ценностей. Переселение в Сибирь порождало неизжитый до конца вопрос о правильности сделанного выбора. Переселенцы и их потомки были нацелены на предпринимательство и обогащение, аборигены же, напротив, предпочитали те способы жизнедеятельности, которые не подрывали природных ресурсов. В конечном итоге чрезмерная социальная активность новоприбывших угрожала и окружающей среде, и аборигенам, и нормам морали самих первоходцев.

Характерно, что в русском сибирском фольклоре оказались представлены вторичные по отношению к колонизации образы разбойников, бродяг, силачей, ямщиков, бунтующих рабочих горных заводов. В песне «Уральские казаки», записанной в Ревдинском заводе в конце XIX в. и известной тогда по всему Уралу, «вольные ребята» отбирают соболей у богатых иркутских купцов [4, 20]. Анархические сюжеты, во многом типичные для осваиваемых территорий, отложились в образах, фольклоре и, отчасти, в мировоззрении. Не случайно, что английский философ И. Берлин причислил данное поведение к «негативной свободе» [25, 121–122].

Действительно, эти люди не распространяли привычную европейскую цивилизацию на аборигенные территории. Но поневоле они жили внутри их пространства, противостояли ему и страдали от собственной неустроенности. Всё это не могло не вызвать у части колонистов встречных веяний, усиления духовности и тяготения к гуманным социальным отношениям. Такие искания в первую очередь были присущи людям, отличающимся религиозностью или много испытавшим и пережившим. Их стремления стимулировалось ростом населения и хозяйственными успехами.

Генезис и последующая эволюция городов на осваиваемых землях вновь запускали трансформацию пространственных образов. В прошлом оставались территориальное обособление, бытовая неустроенность ощущение временности проживания. Стабильное существование вело к трансформации жилых мест.

В идеале временное военное или полувоенное пристанище сменялось городом с его святынями, который тяготел к вечности. Города в качестве объёмных икон отображали в религиозном сознании населения то идеальное мироустройство, коего следовало достичь на осваиваемых землях. Они, как административные центры, также вполне могли быть и антииконами, концентрирующими в себе греховность [8, 192].

Городам принадлежала, да и до сих пор принадлежит, важнейшая роль в благоустройстве и осознании специфики осваиваемых территорий. При этом города, вне зависимости от их образов, активно участвуют в трансформации пространства. Они формируют экономический каркас расселения, тиражируют образы, востребованные обществом, и участвуют в обретении региональной идентичности. Пространство всё более воспринимается как неоднозначное, дифференцированное, многомерное, лишённое прежней гомогенности. Не случайно, что социальную идентичность исследователи понимают, как продукт конкурирующих дискурсов [26]. Так, знаменитое расколдовывание мира, объяснённое М. Вебером, вело к десакрализации образов и доминированию светских игровых начал в осознании пространства.

Применительно к Югорской территории благодаря усилиям творческих представителей столичной и местной интеллигенции были запущены процессы становления региональной идентичности, популяризированы такие концепты как «Золотая Баба», «город Эмдер», «Лукоморье» и многие другие. В частности, исследователь З. П. Соколова, выпустив научно-популярные книги о прошлом округа и его коренном населении, возвратила в массовое сознание топонимы «Югра» и «Югория» [20; 21].

Обсуждение и заключения

Отношения между исторической наукой и массовым сознанием носят неоднозначный характер. Для них характерно причудливое сочетание объективных и субъективных начал. Допустимо долго рассуждать об искажениях, присутствующих в мифах и образах, но никто не отменил мысль Г. Г. Гадамера, о том, что художественному познанию мира присуща строгость, которая сродни строгости мифического опыта [3, 98–99]. А всякая строгость или системность обладает способностью быть

познаваемой внешним наблюдателем. Несомненно, что в эволюции образов пространства имеются определённые закономерности. Применительно к Югре выявлен ряд трендов в осознании образов региона: смещение восприятия от негатива к позитиву, от зооморфизма к антропоморфизму, от сакральности к профанным игровым началам, от одномерности текста

к визуальной многомерности. Историческая динамика местных мифов и пространственных образов Югры свидетельствует об их близости в бесконечных процессах осознания и очеловечивания окружающего ландшафта. Наш мир постоянно преобразуется культурой, насыщающей «собой деятельностное пространство, в котором живёт и движется человек» [5, 14].

Список источников и литературы

1. Базырчап А.-Х. О. Освоение пространства вокруг традиционного жилища у оленеводов Тувы (по материалам полевого исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2016. №1. С. 104–119.
2. Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.
3. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 561-р. Оп. 1. Д. 71.
5. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
6. Головнева Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 167. №12 (3). С. 182–189.
7. Ершов М. Ф. Югра: от образа пространства к бренду округа // Актуальные проблемы развития социально-экономической сферы региона: история и современность: Сб. мат. междунар. науч. конф. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 6–11.
8. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 276 с.
9. Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/print:page,1,12253-strela-i-shar-vvedenie-v-metageografiyu-zauralya.html> (дата обращения: 13.04. 2018).
10. Зубков К. И. Колонизация как фактор социально-исторического развития // Уральский исторический вестник. 2009. №2(23). С.15–24.
11. Истомина К. В. Реки и дороги: пространственное поведение и мышление у различных групп населения // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат. всерос. научн. конф. (Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 349–352.
12. Казначеева Т. А. Концепт «Genius loci» в межкультурном аспекте // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13. С. 180–184.
13. Кивельсон В. Картография царства. Земля и её значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
14. Литовская М. А. «Русское», «чужое», «враждебное» в повестях Татьяны Молдановой // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. Вып. 14. С. 235–242.
15. Морозов В. М., Пархимович С. А., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: «Волот», 1995. 192 с.
16. Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь: Кудымкар. тип-я, 1971. 131 с.
17. Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве (очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
18. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., Ньютонвилль: Археографический центр, 1993. 160 с.
19. Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.
20. Соколова З. П. Путешествие в Югру. М.: Мысль, 1982. 173 с.
21. Соколова З. П. Страна Югория. М.: Мысль, 1976. 119 с.
22. Стародубова О. В. Современные представления ханты Р. Тром-Аган о болезни и способах её устранения (по материалам полевых исследований) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат. всерос. научн. конф. (Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 419–422.

23. Терюков А. И. Антал Регули: между Западом и Востоком в поисках прародины венгров // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 118–122.
24. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
25. Berlin I. Four Essays on Liberty. London: Oxford University Press, 1969. 212 p.
26. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
27. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge University Press, 1994. 190 p.
28. Mitcell W.J.T. Imperial Landscape // Landscape and Pover. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 5–34.
29. Wortman R. S. Ceremony and Empire in the Evolution of Russian Monarchy // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов: Сб. ст. М.: ОГИ, 1997. С. 24–39.

References

1. Bazyrchap A.-Kh. O. *Osvoenie prostranstva vokrug tradicionnogo zhilishcha u olenevodov Tuvy (po materialam polevogo issledovaniya)* [Development of the space around the traditional dwelling of reindeer herders of Tuva (on materials of field research)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* [Bulletin of the Moscow University. Series 8. History], 2016, no. 1, pp. 104–119. (In Russian)
2. Voldina T. V. *Hantyjskij fol'klor: istoriya izucheniya* [Khanty folklore: history of study]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2002. 258 p. (In Russian)
3. Gadamer G. G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. 367 p. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO)* [The State Archive of Sverdlovsk Oblast (SASO)]. F. 561-r. Inv. 1. C. 71. (In Russian)
5. Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN; «Volot» Publ., 2009. 496 p. (In Russian)
6. Golovneva E. V. *Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona* [Regional identity and identity of the region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [News of the Ural Federal University], 2017, no. 12 (167), pp. 182–189. (In Russian)
7. Ershov M. F. *Yugra: ot obraza prostranstva k brendu okruga* [Yugra: from the image of the space to the brand of the Okrug]. *Aktual'nye problemy razvitiya social'no-ehkonomicheskoy sfery regiona: istoriya i sovremennost': Sb. mat. mezhdunar. nauch. konf.* [Actual problems of development of socio-economic sphere of the region: history and modernity: Collection of the materials of the international scientific conference]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta Publ., 2014. pp. 6–11. (In Russian)
8. Ershov M. F. *Sociokul'turnaya ehvolyuciya obrazov ochelovechennogo prostranstva: obshcheteoreticheskie i konkretno-istoricheskie aspekty* [Socio-cultural evolution of images of an anthropomorphic space: general theoretical and historical aspects]. Khanty-Mansiysk: «Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk» Publ., 2013. 276 p. (In Russian)
9. Zamyatin D. N. *Strela i shar: vvedenie v metageografiyu Zaural'ya* [The arrow and the globe: an introduction to meta-geography of the Trans-Urals]. Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/print:page,1,12253-strela-i-shar-vvedenie-v-metageografiyu-zauralya.html> (accessed April 13, 2018). (In Russian)
10. Zubkov K. I. *Kolonizaciya kak faktor social'no-istoricheskogo razvitiya* [Colonization as a factor of socio-historical development]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2009, no. 2 (23), pp. 15–24. (In Russian)
11. Istomin K. V. *Reki i dorogi: prostranstvennoe povedenie i myshlenie u razlichnyh grupp naseleniya* [Rivers and roads: the spatial behavior and thinking of different groups of the population]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ehkologiya: Mat. vseros. nauchn. konf. (Tyumen, 2–6 aprelya 2018 g.)* [The man and the North: Anthropology, archaeology, ecology: Proceedings of the all-Russian scientific conference (Tyumen, April 2–6, 2018)]. Tyumen: FIC TyumNC SO RAN Publ., 2018. Issue 4. pp. 349–352. (In Russian)
12. Kaznacheeva T. A. *Koncept «Genius loci» v mezhekul'turnom aspekte* [The concept “Genius loci” in the intercultural aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State Universit], 2007, vol. 13, pp. 180–184. (In Russian)
13. Kivelson V. *Kartografiya carstva. Zemlya i eyo znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom. The land and its values in Russia of XVII century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 360 p. (In Russian)

14. Litovskaya M. A. «Russkoe», «chuzhoe», «vrazhdebnoe» v povestiyah Tat'yany Moldanovoj [«Russian», «alien», «hostile» in the stories of Tatyana Moldanova]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series 2. Humanities], 2007, no. 53, iss. 14, pp. 235–242. (In Russian)
15. Morozov V. M., Parkhimovich S. A., Shashkov A. T. *Ocherki istorii Kody* [Essays on the history of the Koda]. Ekaterinburg: «Volot» Publ., 1995. 192 p. (In Russian)
16. Ozhegova M. N. *Komi-permyackie predaniya o Kudym-Oshe i Pere-bogatyre* [Komi-Permyak legends about Kudym-Osh and Per-Bogatyir]. Perm: Kudymkar. tip-ya Publ., 1971. 131 p. (In Russian)
17. Pesterev V. V. *Organizaciya naseleniya v koloniziruemom prostranstve (ocherki istorii kolonizacii Zaural'ya konca XVI – serediny XVIII vv.)* [The organization of the population in the colonized space (essays on the history of the colonization of the Urals in the XVI – the middle of XVIII centuries)]. Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta Publ., 2005. 237 p. (In Russian)
18. Pliguzov A. I. *Tekst-kentavr o sibirskih samoedah* [Text-centaur about the Siberian Samoyeds]. Moscow; Newtonvill: Arheograficheskij centr Publ., 1993. 160 p. (In Russian)
19. Rombandeeva E. I. *Geroicheskij ehpos mansi (vogulov): Pesni svyatyh pokrovitelej* [The heroic epic of the Mansi (Voguls): Songs of the saints patrons]. Khanty-Mansiysk: OOO «Print-Klass» Publ., 2010. 648 p. (In Russian)
20. Sokolova Z. P. *Puteshestvie v Yugru* [The travel to Yugra]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 173 p. (In Russian)
21. Sokolova Z. P. *Strana Yugoriya* [Yugoria State]. Moscow: Mysl' Publ., 1976. 119 p. (In Russian)
22. Starodubova O. V. *Sovremennye predstavleniya hanty r. Trom-Agan o bolezni i sposobah eyo ustraneniya (po materialam polevyh issledovanij)* [Modern ideas of the Khanty of the Trom-Agan River about the disease and ways to eliminate it (based on field studies)]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ehkologiya: Mat. vseros. nauchn. konf. (Tyumen, 2–6 aprelya 2018 g.)* [The man and the North: Anthropology, archaeology, ecology: Proceedings of the all-Russian scientific conference (Tyumen, April 2–6, 2018)]. Tyumen: FIC TyumNC SO RAN Publ., 2018. Vol. 4. pp. 419–422. (In Russian)
23. Teryukov A. I. *Antal Reguli: mezhdru Zapadom i Vostokom v poiskah prarodiny vengrov* [Antal Reguli: between West and East in search of the ancestral home of the Hungarians]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, no. 5 (43), pp. 118–122. (In Russian)
24. Ehliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The sacred and the secular]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1994. 144 p. (In Russian)
25. Berlin I. *Four Essays on Liberty*. London: Oxford University Press, 1969. 212 p. (In English)
26. Brubaker R., Cooper F. *Beyond «Identity»*. *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. no. 1. pp. 1–47. (In English)
27. Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge University Press, 1994. 190 p. (In English)
28. Mitchell W. J. T. *Imperial Landscape. Landscape and Power*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. pp. 5–34. (In English)
29. Wortman R. S. *Ceremony and Empire in the Evolution of Russian Monarchy. Kazan, Moskva, Peterburg: Rossijskaya imperiya vzglyadom iz raznykh uglov: Sb. ct.* [Kazan, Moscow, Saint-Petersburg: the Russian Empire from different points of view: Collection of articles]. Moscow: OGI Publ., 1997. pp. 24–39. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ершов Михаил Фёдорович, заведующий отделом истории, археологии и этнологии, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А, офис 310), кандидат исторических наук.

mfershov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR:

Ershov Mikhail Fyodorovich, Head of the Department of History, Archeology and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

mfershov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8518-4368